

Научная статья

УДК [94:39(=512.122)](470.55/.58)“18/19”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.14

«Киргизы» Уфимской и Оренбургской губерний в начале XX века (поздние миграции киргиз-кайсаков)

Михаил Игоревич Роднов¹, Лейла Факиловна Тагирова²

^{1, 2} Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

¹ Rodnov@ufacom.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

² sleila.83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5967-2694>

Аннотация. В статье впервые публикуются статистические материалы о численности казахского населения Южного Урала (Уфимская и Оренбургская губернии, Малая Башкирия) в конце XIX и начале XX в. Приводятся данные о количестве жителей и хозяйстве по селениям, волостям и уездам (кантонам). Информация собрана из материалов земской статистики и подворных карточек всероссийских переписей 1917 и 1920 гг., обработанных авторами статьи. В географии расселения казахского населения выделяется северо-восток края (Златоустовский уезд), где казахи/киргизы поселились ещё в дореформенную эпоху и в нескольких случаях образовали самостоятельные сельские общины/общества, что являлось одним из главных факторов сохранения национальной идентичности в условиях родственного этноконфессионального окружения и задерживало ассимиляцию казахов среди башкир и татар. Материалы первоисточника (подворных карточек двух переписей) однозначно свидетельствуют об устойчивости этнонима «киргиз» на Южном Урале вплоть до начала советской эпохи.

Ключевые слова: демография, казахи, киргизы, киргиз-кайсаки, Малая Башкирия, Оренбургская губерния, перепись 1917 г., перепись 1920 г., Уфимская губерния, экономика, этничность, Южный Урал.

Для цитирования: Роднов М. И., Тагирова Л. Ф. «Киргизы» Уфимской и Оренбургской губерний в начале XX века (поздние миграции киргиз-кайсаков) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 218—232. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/14_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.14.

Original article

The “Kirghiz” of Ufa and Orenburg provinces in early 20th century (late migrations of the Kirghiz-Kaisaks)

Mikhail I. Rodnov¹, Leyla F. Tagirova²

^{1, 2} Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

¹ Rodnov@ufacom.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

² sleila.83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5967-2694>

Abstract. The article is the first to publish statistical data on the size of the Kazakh population of the Southern Urals (Ufa and Orenburg provinces, Lesser Bashkiria) in the late 19th and early 20th centuries. It provides data on the number of residents and economy by villages, volosts and districts (cantons). The information was collected both from zemstvo statistics and from household cards of the all-Russia censuses of 1917 and 1920, processed by the authors of the article. In the geography of the Kazakh population, the northeast of the region (Zlatoust district) stands out, where Kazakhs/Kirghiz settled in the pre-reform period and in several cases formed independent rural communities/societies, which was one of the main factors in preserving national identity in the context of a related ethno-confessional environment and delayed the assimilation of Kazakhs among the Bashkirs and Tatars.

© Роднов М. И., Тагирова Л. Ф., 2025

Primary sources (household cards from two censuses) clearly indicate the stability of the ethnonym “Kirghiz” in the Southern Urals until the beginning of the Soviet era.

Keywords: demography, Kazakhs, Kirghiz, Kirghiz-Kaisaks, Lesser Bashkiria, Orenburg Province, 1917 census, 1920 census, Ufa province, economy, ethnicity, Southern Urals.

For citation: Rodnov M. I., Tagirova L. F. The “Kirghiz” of Ufa and Orenburg provinces in early 20th century (late migrations of the Kirghiz-Kaisaks). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 218—232. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.14>.

Введение

Вдоль восточного склона Уральских гор протекает река Урал (древний Яик), которая служит естественной границей природных зон, за ней начинается бескрайняя степь. Жители лесных, горно-лесных, лесостепных территорий тысячелетиями контактировали со степными кочевыми народами. Несмотря на принципиальные отличия хозяйственно-культурных типов, степняки постоянно проникали на север, спасаясь от засух или нашествий грозных и многочисленных врагов. Южный Урал издревле являлся своеобразным убежищем, но остаться здесь жить можно было лишь кардинально изменив хозяйство, перейдя от степного кочевания к полуоседлому образу жизни вокруг постоянных зимних поселений, с заготовкой кормов для скота, земледелием, использованием ресурсов присваивающей экономики.

С давних времён такие группы кочевников известны на Южном Урале под именем киргизов. В составе нижебельских башкир в русский период даже существовало родоплеменное объединение Киргиз со своей волостью. По мнению Р. Г. Кузеева, киргизы пришли сюда в XIII—XIV вв. [12, с. 360—362], этим киргизам посвящён отдельный том в истории башкирских родов [10]. «Киргизы» также представлены в местной топонимике. На 1912 г. в Афанасовской волости Мензелинского уезда существовала татарская деревня Киргиз-Каракалпак (Аланцу), в Ельдякской волости — русская деревня Киргизки, в Кайнлыкской волости — марийская Киргизова, обе Бирского уезда, а в Белебеевском уезде имела даже отдельная Киргиз-Миякинская волость с центром в большом татарском селении Киргиз-Мияки (2351 чел.) [11, с. 26, 1166, 1182, 1620—1621]. Названий селений с термином «казах» нет, а топонимы со словом «казак» восходят к русскому казачеству или Башкиро-мещерякскому войску. Зато в Оренбургской губернии (на 1901 г.) не было ни одного населённого пункта с использованием слова «киргиз» (см.: [39, Алфавитный указатель]).

С XVIII в. Оренбургская пограничная линия отделила Южный Урал от степных просторов, со временем прекратились военные действия, исчезла взаимная «набеговая экономика» башкир и киргиз-кайсаков, хотя для племён Младшего и Среднего жузов северные лесостепные предгорья оставались естественными летними кочевьями. Постепенное присоединение земель современного Казахстана привело к формированию в Оренбурге управленческих структур: внутренней и внешней «киргизской орды», дистанции оренбургских «киргизов» [2, с. 81—82] и др.

Литература и источники. Соседство «большой» Оренбургской губернии с многочисленным степным населением порождало неизбежный интерес местных русских культурных сообществ к изучению степняков-казахов. В наибольшей мере это проявилось в середине XIX в., когда редактором неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей» — единственной газеты края, издававшейся в Уфе, — был краевед и педагог Иван Прокофьевич Сосфенов (с 1845 по 1853 г.). В уфимском издании регулярно печатались художественно-этнографические и публицистические произведения о казахской степи и её обитателях.

Так, в 1849 г. вышла большая статья М. Н. Житкова «Поездки в киргизскую степь» (№ 11, 13), в которой автор живописал природу: «...степь Киргизская тяготеет под копытами несметных табунов куланов и стад сайгаков» [30, 26 марта]. Затем выходят его же литературные очерки «Татарин и киргиз» (№ 26), «Льстец. (Восточная быль)» (№ 27), после — «Нечто о киргизцах. (Отрывок из заметок Елабужского купца И. К-а)» (№ 39), снова М. Н. Житков — «Три встречи. (Киргизский нравоучительный рассказ)» (№ 47). В 1850 г. была напечатана работа другого активного автора — К. Ивлентьева — «Киргизский пленник — (Образец Мордовской поэзии Бузулукского уезда)» (№ 6), М. Н. Житков продолжает «Поездку в киргизскую степь» (№ 14), подарив далее читателям большую работу «Два киргизских предания и рассказ о неблагодарности. (Отрывок из путевого дневника М. Н. Житкова)» (№ 49), а уже во втором номере за следующий 1851 г. печатается крупная статья М. Житкова «Сутки в киргизском ауле, при встрече осени с зимою». Киргизскую тему затрагивал в своём творчестве уфимский писатель В. В. Зефир-ров, в том же 1851 г. выходит большая его работа «Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года» (№ 18, 19).

Но после разделения «большой» Оренбургской губернии на две части, создания самостоятельной Уфимской губернии в 1865 г. интерес к южным соседям-степнякам в Уфе практически угас. Единственная выпущенная в этот период времени работа — «Киргизы Оренбургского ведомства в XVIII столетии» [8]. Ее автор — уфимский и оренбургский историк-краевед Р. Г. Игнатьев. Это неудивительно, поскольку в Уфе казахские земли воспринимали как нечто далёкое, мало связанное с местными процессами. Даже когда в 1904 г. редактором официальных «Уфимских губернских ведомостей» служил мусульманин С.-Г. М. Султанов, среди частых публикаций об истории и культуре тюркских народов киргизская тема не проявилась [37]. И это принципиально отличало Уфу от Оренбурга, где внимание к южным соседям было постоянным и значительным (см., напр.: [5]), в том числе и в современной историографии Оренбуржья [9; 13; 31].

В Башкирии основной интерес к анализу межэтнических контактов с казахами проявляют этнографы [1; 14; 15]. В Казахстане вопросами этнокультурного взаимодействия казахов с народами Южного Урала занималась Г. С. Султангалиева [40]. На основе широкого комплекса источников ею проанализирован процесс проникновения казахов на Южный Урал с конца XVIII в. и отмечено обратное движение в степи в 1820-х гг. По данным Оренбургской пограничной комиссии за 1799—1815 гг., казахов, зачисленных в «башкирское сословие», было 1226 человек. Автор приравнивает казахов к башкирам в процессе перехода к оседлости и утверждает, что к началу XX в. большинство казахского населения Актюбинского и Кустанайского уездов занималось земледелием. Исследователь выделяет «роль отходничества в развитии контактов народов региона» [40, с. 47—48, 76—77, 91].

Для определения численности казахского населения в Российской империи конца XIX в. использовались изданные материалы всеобщей переписи 1897 г. [32; 33; 38], а также опубликованные данные переписи 1917 г. [3; 34].

Основным источником исследования послужили сохранившиеся в Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ) подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Советской Автономной Башкирии (Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 686—936). Авторами была произведена сплошная обработка сохранившегося первоисточника переписи с выделением численности и системы хозяйствования казахского населения. Листы подворных карточек в архивных делах фонда не пронумерованы, поэтому в ссылках на эти источники номера листов не указываются.

Результаты исследования

Хозяйственные и социокультурные связи Уфимской губернии с казахскими землями можно проследить по опубликованным материалам уфимской статистики. Первые подробные справочники за 1873 и 1883 гг. ничего не сообщают о присутствии в Уфимской губернии казахов/киргизов. Лишь с конца XIX в. проходят переписи, которые показывают максимально возможную точность в этнографическом составе населения.

Единственная всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. зафиксировала в Уфимской губернии 88 человек, указавших своим родным языком «киргизский» (55 мужчин и 33 женщины). В самом южном Стерлитамакском уезде киргизов по языку насчитывалось 35 душ (26 мужчин), 24 киргиза проживало в Златоустовском уезде, в остальных — единичные случаи [32, с. 40—41].

Уфимская губерния занимала пятое место в Европейской России по числу проживавших (говоривших на этом языке) киргиз-кайсаков. Большинство обитало в Астраханской губернии (250 820 из 264 059 чел.), затем шли Самарская (7843), Оренбургская (4971) и Пермская (152 чел.) губернии [33, с. 8]. В «пограничной» Оренбургской губернии также проживали 33 туркмена, 173 сарта, 43 узбека, а 466 мусульман были отнесены к группе «тюрки, таранчины, кара-калпаки и кара-киргизы» [33, с. 9]¹.

Данные переписи 1897 г. свидетельствуют об отсутствии массового переселения казахов (киргизов, киргиз-кайсаков) на Южный Урал. К тому времени в Уфимской и Оренбургской губерниях обосновалось (за пореформенный период) более 316 тыс. переселенцев из центральных и западных регионов страны (русские, украинцы, белорусы, немцы, мордва, чуваша, латыши и пр.) [41, с. 72]. При этом в соседней с Оренбургской губернией Тургайской области (административный центр которой располагался тоже в Оренбурге) киргиз-кайсаков в 1897 г. насчитывалось 410 904 чел. из 453 416 душ всего населения [33, с. 10—11], или 91% жителей.

Таким образом, можно говорить лишь о временной трудовой миграции казахов на территории Южного Урала — отходничестве казахов. Постоянного переселения многоземельных скотоводов в Оренбургскую и Уфимскую губернии не наблюдалось.

В научной литературе существует, с нашей точки зрения, «облегчённое» восприятие седентаризации (оседания) вчерашних кочевников как неизбежного «прогрессивного» процесса. Думается, прав А. М. Хазанов, утверждавший, что оседание кочевников происходит только тогда, когда кочевое скотоводство становится экономически невыгодным по разным причинам (природно-экологическим и др.) [42, с. 324—328]. Пример с казахами к началу XX в. подтверждает эту точку зрения. Миграция в сельскохозяйственные районы Южного Урала, где земли было достаточно, фиксируется в единичных случаях. Несмотря на большую надёжность земледелия, традиционное животноводство пока вполне обеспечивало казахам приемлемый уровень жизни.

Загадка северных киргизов. В конце XIX — начале XX в. в Уфимской губернии проводится несколько статистических исследований с разной степенью точности. В 1895—1897 гг. уфимское земство организовало перепись, и в Златоустовском уезде было зафиксировано 5 общин киргизов (28 дворов и 186 жителей), что составило лишь 0,11% всего населения уезда (0,7% от тюрко-мусульман). Сами статистики так объясняли присутствие казахов. «Пребывание в Златоустовском уезде киргиз есть, несомненно, явление случайное, находящее себе объяснение в близости киргизской степи, из которой, хотя она лежит и далее на юго-восток, шло торговое движение, главным образом, скота и его продуктов в пределы Европейской России» [38, с. 95].

¹ Кара-киргизы — современные киргизы (кыргызы), таранчины — оседлые мусульмане из Восточного Туркестана (уйгуры).

Все казахи/киргизы по категории населения являлись припущенниками. Так, в деревне Ново-Шулеминой 2-й Айлинской волости проживали «татары и киргизы-припущенники (тептяри)» [38, с. 95, 104, 122, приложения, с. 18]. Это единственный случай причисления киргизов к тептярям. В описаниях общин есть два примера по киргизам.

Деревня Ширякова — «население: киргизы-припущенники, бывш. военного звания, в числе 4 дворов и 6 ревизских душ. Земля в одном месте. Изменения в угодьях заключаются в переходе пашни в сенокос. Выгон расположен по низменной равнине. Водопой в р. Ай. Сенокос — поёмный, по р. Ай. Лес — в низине, к СВ от деревни, по песчаной почве, с густым насаждением, пользуются им по дележу, рубят выборочно. Избы топят своим лесом» [38, приложения, с. 178]. В остальном хозяйство как у преобладающего башкирского населения.

Деревня Сагирова — «население: киргизы-припущенники, бывш. военного звания, в числе 13 дворов и 21 ревизской души. Земля в одном месте. Пашня по лёгким скатам. Почва — чернозём и красноватый суглинок (60 дес.), довольно плотные, глубиною до 8 вершков. На полях попадает галька. Скотоводство хозяйственное, и скот пасётся вместе со скотом башкир-вотчинников. Выгон по ровному месту. Водопой есть. Сенокос суходольный, по скатам. Средний урожай сена — с 1 десят. 50—60 пудов. Лес в одном месте, по скатам, от селения на СЗ, по суглинку, средней полноты насаждения. Пользуются им по дележу на число ревизских душ; ежегодно вырубает по 4 десят. Избы отопляют своим хворостом и покупными дровами. Почти всё население на сторонних заработках» [38, приложения, с. 176]. Хозяйство как у соседей башкир: сеют рожь, овёс, полбу, пшеницу, пашут трёхконным сабаном, разводят огороды [38, приложения, с. 177].

Это единственные описания казахских деревень (части селений). Как видно, жили киргизы в избах, косили сено, растили хлеб, рубили лес (также подрабатывали на рубке леса для соседних горных заводов). Их экономика ничем не отличалась от соседской. Отметим, что здешние киргизы по сословию являлись военными припущенниками, то есть ранее числились в составе Башкирского (Башкиро-мещеряцкого) войска, а раздел земли по ревизским душам свидетельствует, что они поселились до X ревизии 1858 г.

В 1912—1913 гг. уфимские земские статистики под руководством М. П. Красильникова проводят подворную перепись крестьянских хозяйств. По всем селениям указывалась преобладающая народность, и среди народов Уфимской губернии зафиксированы киргизы. В одном северо-восточном Златоустовском уезде в 1912 г. в шести волостях в 67 дворах проживало 337 киргизов (191 муж., 146 жен.). Они обитали во 2-й Айлинской (20 дв., 96 чел.), Большекущинской (6 дв., 28 чел.), Верхне-Кигинской (16 дв., 76 чел.), Дуван-Мечетлинской (6 дв., 31 чел.), Ибраевской (8 дв., 45 чел.), Калмакуловской (11 дв., 61 чел.) волостях. То есть казахи весьма широко расселились небольшими группами по многим тюркским волостям современной северо-восточной Башкирии. Киргизы учтены в 1912 г. в селении Ново-Шуляма (вместе с припущенниками тептярями) 2-й Айлинской волости, в Сабанаково (Сабанаево) Большекущинской волости шесть хозяйств киргизов-припущенников образовывали отдельное сельское общество рядом с большой общиной башкир-вотчинников (166 дворов, 835 душ).

Аналогичная ситуация была в Верхне-Кигинской волости в деревне Сагировой (она же Тарнаклы), где жили башкиры-вотчинники (97 дв., 558 чел.). Рядом с ними обособилась маленькая община киргизов-припущенников (16 дв., 76 чел.). То же видим в Дуван-Мечетлинской волости на самом севере Златоустовского уезда. В деревне Исенбаевой (башкиры-вотчинники и русские переселенцы-арендаторы, всего 27 семейств) поселилась маленькая община киргизов-припущенников из 6 хозяйств (31 чел.).

В Ибраевской волости такие случаи зафиксированы сразу в двух деревнях: в Ширякову (башкиры-вотчинники, 48 дворов) подселились киргизы-припущенники (5 дв., 29 чел.), а в Яуновой (башкиры-вотчинники, 60 хозяйств) жили киргизы-припущенники в своей общине из трёх семей (16 душ). Наконец, в последней Калмакуловской волости киргизы жили вместе с башкирами в Сюрюкаевой единым сельским обществом [11, с. 910, 918, 926, 942, 950, 1060—1061].

Таким образом, «северные киргизы» в качестве припущенников (пожизненных наследственных арендаторов) подселились в семь деревень башкир-вотчинников (коллективных частных собственников, на них, к примеру, не распространялась Столыпинская реформа) и одну деревню тептяр-татар. Любопытно, но в ряде случаев киргизы образовали свои отдельные маленькие поземельные общины или сельские общества.

Можно лишь предполагать, почему именно на дальнем северо-востоке Уфимской губернии происходила концентрация киргизов (казахов). В Зауралье центрами приграничной торговли были города Троицк, Орск, Верхнеуральск, откуда гужевые пути шли на север — в Челябину и далее на горные заводы. От Челябинска отходил на запад, через Уральские горы, уфимский тракт, который пересекал Златоустовский уезд. Здесь, где ныне расположены пять районов Республики Башкортостан, в окружении горных хребтов раскинулась Кунгурско-Айская лесостепь, открытые пространства, удобные для земледелия и скотоводства. Сюда издавле проникали группы кочевников.

Не случайно именно на северо-востоке Башкирии ранее располагалась Сартская волость, в которой обосновались выходцы из таджиков и узбеков, в XIX в. здесь фиксировались казахи, в том числе в названных выше башкирских деревнях Шаряково (так) и Сагирова [4, с. 61—63, 152, 197]. Но эти небольшие группы включались в состав преобладающих этносов (башкир, татар и пр.), и лишь проведение подробных исследований могло прояснить подлинную картину (если Всероссийская перепись отметила в Златоустовском уезде всего 24 киргиза, то подворная перепись 1912 г. — уже 337 чел.).

Подворная перепись позволяет проанализировать ситуацию в пяти маленьких поземельных общинах казахов/киргизов-припущенников. Везде угоды делились по ревизским душам. Из 36 дворов во всех общинах было семь беспосевных, ещё в 9 сеяли до 2 дес. на двор, остальные 20 относились к середняцким хозяйствам. Если в Исенбаевой киргизы жили неплохо, имея около 5 дес. посева на двор, и здесь уже утвердилось трёхполье, то в остальных маленьких киргизских общинах землепашество имело более скромные масштабы, важное значение играли промыслы [11, с. 918—933, 942—957]. В целом хозяйство проживавших здесь более полувека казахов мало чем отличалось от соседей башкир. Важно отметить, что переселенцы не смешались с местными, составили отдельные административные единицы — свои сельские общины/общества. Казахи/киргизы сохранили историческую идентичность, не ассимилировались в родственном тюркоязычном окружении.

Это подтверждают материалы сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. (подворные карточки), которые показывают всех жителей, включая единичные семьи иной национальности (здесь и далее по: [35, с. 12—15, 20, 22, 25, 32, 54, 55—58, 67]). В Златоустовском уезде в 1917 г. киргизы фиксируются в тех же (пять из семи) деревнях: Сабанаково (6 дв., 42 чел.), Сагирова (16 дв., 85 чел.), Исенбаево (6 дв., 38 чел.), Ширяково (5 дв., 30 чел.) и Яуново (4 дв., 19 чел.).

«Исчезли» киргизы только в деревне Ново-Шулямино 2-й Айлинской волости, где в 1917 г. все жители записаны татарами. Но именно в этой обширной волости, расположившейся вдоль соседнего сплошного массива русского горнозаводского населения, перепись 1917 г. зафиксировала интересные процессы. Сразу в четырёх (!) селениях 2-й

Айлинской волости «появляются» киргизы: Асылгужино (1 дв., 8 чел.), Кулбаково (2 дв., 13 чел.), Мухаметовский (1 дв., 8 чел.) и Петрушкино (4 дв., 19 чел.). Все они по сословию башкиры-припущенники. Доминирующее население во всех деревнях — башкиры, кроме татарского Кулбаково. В Сюрюкаевой в 1917 г. все жители — тоже башкиры. Вероятно, это остатки миграции XIX в., о которой писала Г. С. Султангалиева [40].

Гибель Российской империи и её сословной структуры привела к распаду башкирского сословия (этносословия)¹. Именно во 2-й Айлинской волости фиксируются многочисленные мусульмане/магометане (как в том же Петрушкино, где преобладали башкиры), идентичность устанавливалась по конфессии. И часть жителей «вспомнила» о своём казахском происхождении и записалась во время переписи киргизами. Это важный момент, они находились в составе местных общин башкир и татар, но сохранили идентичность. Всего в 1917 г. в Златоустовском уезде насчитывалось 45 хозяйств киргизов и 262 чел., которым принадлежало 127,17 дес. посева и 67 рабочих лошадей. В 8 хозяйствах ничего не сеяли, в 27 засеивали до 4 дес., было 8 середняцких дворов с посевом от 4 до 10 дес. и две зажиточных семьи (10—15 дес.). Но в сравнении с переписью 1912—1913 гг. численность киргизов в Златоустовском уезде сократилась с 337 до 262 душ. Ассимиляция маленькой этнической группы в родственном этноконфессиональном окружении неизбежна.

Казахи/киргизы сохраняли свою идентичность и в начале советской эпохи. В Дуван-Куштинском кантоне Малой Башкирии (существовала с 1919 по 1922 г.) по переписи 1920 г. проживало 27 семейств и 143 чел. киргизов. Они зафиксированы в тех же башкирских селениях: Сагирова Верхне-Кигинской волости (16 дворов, 80 чел.), Исинбаево Дуван-Мечетлинской волости (4 дв., 26 душ), Ширяково (2 дв., 15 чел.) и Яуново (4 дв., 18 чел.) Ибраевской волости, Аллагузово Утяшевской волости (1 дв., 4 чел.) [16—20]. При этом в Сагирова они составляли 13,2% от общего количества дворов (83,5% башкирские, 2,5% русские, 0,8% татарские хозяйства). Во всех населённых пунктах казахи/киргизы севера Малой Башкирии по количеству скота и площадям посева были идентичны остальным соседствующим хозяйствам.

Статистические исследования различаются в численности и названиях деревень, где жили киргизы. Очевидно, что часть казахов подсеялась к местному населению и их идентичность отмечалась в отдельных переписях, но в дальнейшем они ассимилировались в общей массе населения. Лишь в нескольких случаях киргизы образовали самостоятельные общины/сельские общества, которые вместе с общинным устройством были ликвидированы в советское время.

Южные киргизы. Материалы переписей 1917 и 1920 гг. показывают численность казахов/киргизов на юге, в соседней Оренбургской губернии (гражданская территория). В Верхнеуральском уезде в Тамьяно-Тангауровской волости в 1917 г. зафиксирован единственный населённый пункт Карабатуров (10 дворов, 48 душ), преобладающая национальность жителей которого — киргизы [3, с. 27]². По Оренбургскому уезду статистики сумели выпустить более подробный справочник [34], в котором нет никаких сведений о киргизах.

Присутствие казахов/киргизов в башкиро-оренбургском «пограничье» показывают подворные карточки переписи 1920 г., сохранившиеся в уфимском архиве (по Малой Башкирии). В северных и горно-лесных (Тамьян-Катайском) кантонах следов киргизов

¹ В той же 2-й Айлинской волости по переписи 1912—1913 гг. жители деревень Идрисово, Кургаши-Елга, Юнусово учтены как башкиры-вотчинники, по переписи 1917 г. они все татары, а по переписи 1920 г. сформировали отдельную Идрисовскую волость Уфимского уезда (не вошла в Малую Башкирию), национальность всех жителей записана как магометане [36, с. 128].

² По переписи 1920 г. и справочнику 1926 г. киргизов в Тамьяно-Тангауровской волости не выявлено.

не обнаружено (в ряде волостей из-за продолжавшегося бандитизма перепись не проводилась), они фиксируются лишь в трёх самых южных кантонах, где отроги Уральских гор переходят в плавные холмы и открытые степные равнины. Но и здесь их численность ничтожно мала.

На юге Башкирии в Кипчак-Джетировском кантоне киргизы проживали в 1920 г. преимущественно в башкирских деревнях: Якупово Бурзянской волости (1 двор, 6 душ), Имангулово 1-е одноимённой волости (3 дв., 12 чел.). Любопытно, но в последней возникли два «савхоза» как отдельные поселения — Баткак (один киргиз) и Брод (3 семьи, 13 чел.). В Броде киргизы составляли большинство совхозников. Наверняка бедные батраки записывались в новые советские хозяйства первыми. Одно семейство киргизов (3 чел.) обосновалось в башкирской деревне Ямансарово Тогузтемировской волости. Наконец, в татарских Каргалах, в 1920 г. носивших статус города, зарегистрирован один двор киргизов из двух лиц [21—24]. Итого в Кипчак-Джетировском кантоне по данным переписи 1920 г. насчитывалось всего 10 дворов и 37 чел. казахов/киргизов.

В соседнем Усерганском кантоне единичные семьи киргизов зафиксированы в башкирских деревнях Тлявгулово 2-й Усерганской волости (6 чел.), Ильясо-Мусино (1 чел.), Ишбердино (3 чел.) и Янтюрино (11 чел.) 3-й Усерганской волости, Бикбердино (3 чел.) 5-й Усерганской волости [27—29]. Всего в Усерганском кантоне насчитывалось в 1920 г. 5 дворов и 24 киргиза.

Наконец, западнее Оренбурга отдельным островком в степи лежал Ток-Чуранский кантон Малой Башкирии, где по переписи 1920 г. в двух волостях зафиксированы киргизы. В Кипчакской волости они проживали в башкирских деревнях Верхне- (1 дв., 2 чел.) и Нижне-Кунакбаево (1 дв., 4 чел.), а в Юмуран-Табынской волости также в башкирской деревне Старо-Гумерово, столице кантона, было 2 семьи киргизов (5 душ). Во всех населённых пунктах казахи/киргизы появились, видимо, не так давно. Они не занимались сельским хозяйством (не имели посевов) и были пастухами. В Нижне-Кунакбаево ещё в одной башкирской семье числилось четверо жильцов киргизов [25—26] (не учитывались как постоянное население).

Таким образом, на юге нынешней Башкирии и на сопредельной территории Оренбургской области перепись 1920 г. зарегистрировала крайне малое количество казахского населения (киргизов).

Такие массовые материалы первоисточника, как подворные карточки переписей 1917 и 1920 гг., показывают разнообразные формы идентичности. Статистики записывали всё, что говорили респонденты, унификация происходила при обработке данных. В карточках переписи 1920 г., например, встречались самоназвания «хохол», «мокшан», «бухарец», определения по конфессии и др. В случае с киргизами разные переписчики в разных деревнях, волостях и кантонах ни разу не записали термин «казах». Все назывались киргизами. Это было общепринятое на Южном Урале наименование современных казахов, которое воспринималось и самими казахами/киргизами.

Например, в Кипчак-Джетировском кантоне в Ямансарово 67-летний пастух Абинов Ярмухамат записан как «киргизин» [24], в остальных случаях указано «киргиз», иногда национальность киргизская. Приведём два примера. Первое фото (рис. 1) — это лицевая сторона карточки жителя деревни Ишбердино 3-й Усерганской волости Юмабека Десенбаевича Дусенбаева, он «киргис» (отчество записано по-современному). Сам домохозяин нанимался на сельские работы (батрачил), младший брат сапожничал, жена вела хозяйство, держали двух коров, коней не имели. Дусенбаев ничего не сеял, но семья, видимо, обосновалась тут давно. Они числились как наличные приписные, то есть состояли в здешней сельской общине.

Рис. 1. Подворная карточка переписи 1920 г. на хозяйство Ю. Д. Дусенбаева, лицевая сторона [28]

Итого		Мужчины				Женщины				Итого	
№ по порядку	Отношение к семье	До 12 л.	13-17 л.	18-60 л.	Ст. 60 л.	Неграмотность (род. качества или ооазне)	Грамотность (грамотн.-ф. грамотн.-м.)	Название профессии, занятия или промысла в настоящее время	Место, где занят профессией или промыслом	Положение в промысле (работн., самостоятел., служащ. и т. д.)	Отравлен от земли, долги, сосен или часть
1	Ж	40				Ж				Ж	
2	Ж	36				Ж				Ж	
3	Ж	4				Ж				Ж	
4	Ж					Ж				Ж	
5	Ж					Ж				Ж	
6	Ж					Ж				Ж	
7	Ж					Ж				Ж	
8	Ж					Ж				Ж	
9	Ж					Ж				Ж	
10	Ж					Ж				Ж	
11	Ж					Ж				Ж	
12	Ж					Ж				Ж	
13	Ж					Ж				Ж	
14	Ж					Ж				Ж	
15	Ж					Ж				Ж	
16	Ж					Ж				Ж	
17	Ж					Ж				Ж	
18	Ж					Ж				Ж	
19	Ж					Ж				Ж	
20	Ж					Ж				Ж	
21	Ж					Ж				Ж	
22	Ж					Ж				Ж	
23	Ж					Ж				Ж	
24	Ж					Ж				Ж	
25	Ж					Ж				Ж	
26	Ж					Ж				Ж	
27	Ж					Ж				Ж	
28	Ж					Ж				Ж	
29	Ж					Ж				Ж	
30	Ж					Ж				Ж	
31	Ж					Ж				Ж	
32	Ж					Ж				Ж	
33	Ж					Ж				Ж	
34	Ж					Ж				Ж	
35	Ж					Ж				Ж	
36	Ж					Ж				Ж	
37	Ж					Ж				Ж	
38	Ж					Ж				Ж	
39	Ж					Ж				Ж	
40	Ж					Ж				Ж	
41	Ж					Ж				Ж	
42	Ж					Ж				Ж	
43	Ж					Ж				Ж	
44	Ж					Ж				Ж	
45	Ж					Ж				Ж	
46	Ж					Ж				Ж	
47	Ж					Ж				Ж	
48	Ж					Ж				Ж	
49	Ж					Ж				Ж	
50	Ж					Ж				Ж	
51											

Вторая семья «киргизов» из башкирской деревни Янтюрино той же волости была многочисленной. У 40-летнего Исябая Тулябаева (рис. 2) было две жены и семеро детей (выживших к 1920 г.). В семействе также проживал, наверняка, родственник 60 лет, в карточке указан как «р.». Вряд ли это работник — слишком старый. Здесь держали двух рабочих и одну нерабочую лошадь, засевали одну десятину посева. В Янтюрино использовалась большая степная десятинка в 4000 кв. саж., это означает, что посева в казённых десятинах (= 2400 кв. саж.) было 1,67 дес. Конечно, такого маленького посева никак не хватало для пропитания обширного семейства. Наверняка, Тулябаевы батрачили у соседей башкир. И они указаны как посторонние, не входили в здешнее сельское общество.

Заключение

В современной историографии Казахстана встречаются утверждения, что «неправильный» термин «киргиз» — это ошибка русской официальной литературы в обозначении исторического самоназвания казахов [6]. Материалы двух переписей 1917 и 1920 гг., прошедших в разных общественно-политических условиях, однозначно свидетельствуют о том, что на Южном Урале местное население и образованные статистики современных казахов именовали исключительно «киргизами». И сами казахи только так определяли свою этническую идентичность — «киргиз/киргис/киргизин».

Несмотря на весьма небольшую численность казахов/киргизов на Южном Урале в начале XX в., собранный материал приводит к серьёзным выводам. Даже в условиях революции и Гражданской войны продолжалось переселение с запада и севера в Уфимскую и Оренбургскую губернии на благодатные чернозёмы. А вот с востока, где только в Тургайской области проживало почти полумиллионное казахское население, никакой серьёзной миграции не происходило.

Казахи-кочевники никак не стремились к оседанию и переходу к более «прогрессивному» оседлому земледелию, как утверждала советская историография и её современные последователи. Кочевники-скотоводы не желали браться за плуг. Данные переписи 1920 г. показывают, что лишь на северо-востоке (в бывшем Златоустовском уезде) основная масса киргизов перешла к земледелию, о чем говорят размеры их посевных площадей. На юге же четверть дворов вообще ничего не сеяла, у прочих имелись маленькие посева, часто носившие второстепенный характер.

Нельзя не согласиться с выдающимся уфимским археологом и историком Владимиром Александровичем Ивановым [7], что в традиционном обществе природно-климатические особенности всецело определяют способ хозяйствования. В открытой степи наиболее рациональной формой экономики является кочевое скотоводство, и все жившие здесь народы (ногаи, калмыки, казахи) являлись классическими кочевниками. Все попытки цивилизовать их и заставить перейти к оседлой жизни ни к чему не привели, самый яркий пример — ставропольские калмыки, которые просто откочевали в Китай, спасаясь от принудительного земледелия. Обе переписи начала XX в. ничего не сообщают об оседании казахского населения.

Но у каждой медали есть оборотная сторона. В покрытых дремучим лесом высоких Уральских горах, в заснеженной северной лесостепи среди рек и озёр все перечисленные кочевые народы не кочевали столетиями, используя окраины Южного Урала лишь в качестве временных летних пастбищ. Зато башкиры жили здесь постоянно. Им почему-то конкретная природно-экологическая среда не мешала. Можно предположить, что башкиры никогда не были кочевниками.

Список источников

1. Абсалямова Ю. А. Оренбургские башкиры: историко-этнографическое исследование. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2016. 184 с.

2. Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений. 1836 года. Оренбург : Тип. Штаба Оренбургского Отдельного Корпуса, [Б. г.]. 175 с.
3. Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. [Оренбург, 1917]. 41 с.
4. Асфандияров А. З. История сёл и деревень Башкортостана. Кн. 9. Уфа : Китап, 2001. 304 с.
5. Бегимбаева Ж. С. Проекты научных обществ по изучению культуры кочевых народов Оренбургского края и Приуралья во второй половине XIX века // Научный вестник Крыма. 2024. № 4 (50). URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1138/1434>.
6. Дарбаев А. Г. Проблема использования терминов «казах» и «киргиз» в русских источниках XVIII—XIX вв. // Региональная история: междисциплинарные подходы, научные и ценностные ориентиры. Стерлитамак : СФ УУНиТ ; Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. С. 83—89.
7. Иванов В. А. Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы: понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. 2021. № 9 (2). С. 272—295. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295.
8. Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) [Электронный ресурс] / сост. М. И. Роднов. Т. 7: 1880—1881 годы. Уфа : [Б. и.], 2013. 407 с. URL: <http://mrodnov.ru/fr/5/public/Ruf.%20T-VIII.pdf> (дата обращения: 27.01.2025).
9. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. проф. С. В. Любичанковский. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2019. 480 с.
10. История башкирских родов. Кыргыз. Т. 10 / С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. Р. Асылгужин, Р. Р. Шайхеев, И. Р. Санитбатталов, В. Г. Волков, А. А. Каримов, А. М. Зайнуллин, Р. М. Камалов, Ф. С. Марваров, Р. М. Рыскулов [и др.]. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2015. 808 с.
11. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1914. 1844 с.
12. Кузеев Р. Г. История башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. 571 с.
13. Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX в.). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2018. 264 с.
14. Маннапов М. М. К вопросу о межэтнических взаимодействиях башкир с казахами и уральскими казаками в Степном Заволжье (XVIII — середина XIX в.) // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии : материалы X Междунар. науч. конф. Семипалатинск, 2008. С. 275—281.
15. Мирхайдарова М. Р. История этнокультурных контактов башкир и казахов в XVIII — I половине XIX в. Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. 140 с.
16. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 706.
17. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 707.
18. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 771.
19. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 772.
20. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 774.
21. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 789.
22. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 791.
23. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 799.
24. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 807.
25. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 875.
26. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 881.
27. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 892.
28. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 893.
29. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 896.
30. Оренбургские губернские ведомости. Уфа, 1849—1951.
31. Оренбургский край — поликультурный и трансграничный регион Российской империи : сб. документов. К 250-летию со дня рождения выдающегося военного и государственного деятеля, оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эссена (1772) / науч. ред. и сост. С. В. Любичанковский. Оренбург : ИПК «Университет», 2021. 712 с.
32. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 45. Уфимская губерния. Тетр. 2. [СПб.] : Тип. М. Д. Ломковского, 1904. 189 с.

33. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. [СПб.] : Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. 43 с.
34. [Поселенные итоги Оренбургского уезда по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.]. Б. м. : [Б. г.]. 153 с.
35. Роднов М. И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2002. 68 с.
36. Роднов М. И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). М. : ИЭА РАН, 2014. 178 с.
37. Роднов М. И. Уфимская официальная пресса в начале XX в.: редакторы и краеведение // Река времени. 2018. Уфа, 2018. С. 120—139.
38. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 6. Златоустовский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897 года / под ред. С. Н. Велецкого. Самара : Типо-лит. А. И. Хорош, 1899. 4, ii, 691, 210 с.
39. Списки населённых мест Оренбургской губернии. Оренбург : Типо-лит. Губернского правления, 1901. 251 с.
40. Султангалиева Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII — начало XX в.). Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2001. 262 с.
41. Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60—90-е годы XIX в. М. : Наука, 1981. 370 с.
42. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

References

1. Absalyamova Yu. A. *Orenburgskie bashkiry: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Orenburg Bashkirs: Historical and ethnographic research]. Ufa, IIYaL UFITs RAN Publ., 2016. 184 p. (In Russian)
2. *Adres-kalendar 'Orenburgskogo otdel'nogo korpusa, Orenburgskoi gubernii i Upravleniya Orenburgskogo kraia po chasti pogranichnoi, s prisovokupleniem kratkikh statisticheskikh svedenii. 1836 goda* [Address-calendar of the Orenburg separate corps, Orenburg province and the Orenburg region administration for border areas, with brief statistical information added. 1836]. Orenburg, Tip. Shtaba Orenburgskogo Otdel'nogo Korpusa Publ., [S. a.]. 175 p. (In Russian)
3. *Alfavitnyi spisok naselennykh mest Orenburgskoi gubernii po dannym sel'skokhozyaistvennoi i pozemel'noi perepisi 1917 goda* [Alphabetical list of populated areas of the Orenburg province according to the agricultural and land census of 1917]. (Orenburg, 1917). 41 p. (In Russian)
4. Asfandiyarov A. Z. *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana. Kn. 9* [History of villages and hamlets of Bashkortostan. Book 9]. Ufa, Kitap Publ., 2001. 304 p. (In Russian)
5. Begimbaeva Zh. S. Proekty nauchnykh obshchestv po izucheniyu kul'tury kochevykh narodov Orenburgskogo kraia i Priural'ya vo vtoroi polovine XIX veka [Projects of scientific societies for the study of the culture of the nomadic peoples of the Orenburg region and the Urals in the second half of the XIX century]. *Nauchnyi vestnik Kryma — Scientific Bulletin of Crimea*, 2024, no. 4 (50). Available at: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1138/1434>. (In Russian)
6. Darbaev A. G. Problema ispol'zovaniya terminov "Kazakh" i "Kirgiz" v russkikh istochnikakh XVIII—XIX vv. [The problem of using the terms "Kazakh" and "Kirghiz" in Russian sources of the 18—19th centuries]. *Regional'naya istoriya: mezhdistiplinarnye podkhody, nauchnye i tsennostnye orientiry* [Regional history: interdisciplinary approaches, scientific and value guidelines]. Sterlitamak, SF UUNiT Publ., Ufa, IIYaL UFITs RAN Publ., 2023, pp. 83—89. (In Russian)
7. Ivanov V. A. Sedentarizatsiya srednevekovykh kochevnikov Vostochnoi Evropy: ponimanie i proyavlenie [Sedentarization of the medieval nomads of Eastern Europe: understandings and manifestations]. *Zolotoordynskoe obozrenie — Golden Horde Review*, 2021, no. 9 (2), pp. 272—295. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295. (In Russian)
8. Ignat'ev R. G. *Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period). T. 7: 1880—1881 gody* [Collected works (Ufa and Orenburg period). Vol. 7: 1880—1881]. Ufa, 2013. 407 p. Available at: <http://mrodnov.ru/fr/5/public/Ruf.%20T-VIII.pdf>. Accessed: 27.01.2025. (In Russian)
9. *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii)* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (Based on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2019. 480 p. (In Russian)

10. Khamidullin S. I., Yusupov Yu. M. (et al.) *Istoriya bashkirskikh rodov*. Kyrgyz. T. 10 [History of the Bashkir clans. Kirghiz. Vol. 10]. Ufa, Ufimskii poligrafkombinat Publ., 2015. 808 p. (In Russian)
11. *Krest'yanskoe khozyaistvo Ufimskoi gubernii. Podvornaya perepis' 1912—1913 gg. Ch. II. Tablitsy* [Peasant economy of Ufa province. Household census of 1912—1913. Part II. Tables]. Ufa, Elektr. tip. T-va "Pechat" Publ., 1914. 1844 p. (In Russian)
12. Kuzeev R. G. *Istoriya bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriya rasseleniya* [History of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 571 p. (In Russian)
13. Lyubichankovskii S. V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraia (seredina XIX — nachalo XX v.)* [Policy of acculturation by means of education of Islamic subjects of the Russian Empire. Historical experience of the Orenburg region (mid-19th — early 20th centuries)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2018. 264 p. (In Russian)
14. Mannapov M. M. K voprosu o mezhetnicheskikh vzaimodeistviyakh bashkir s kazakhami i ural'skimi kazakami v Stepnom Zavolzh'e (XVIII — seredina XIX v.) [On the issue of interethnic interactions of the Bashkirs with the Kazakhs and Ural Cossacks in the Steppe Trans-Volga region (18th — mid-19th centuries)]. *Etnosotsial'nye protsessy vo Vnutrennei Evrazii: materialy X Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnosocial processes in Inner Eurasia. Proceed. of the 10th Internat. sci. conf.]. Semipalatinsk, 2008, pp. 275—281. (In Russian)
15. Mirkhaidarova M. R. *Istoriya etnokul'turnykh kontaktov bashkir i kazakhov v XVIII — I polovine XIX v.* [History of ethnocultural contacts of the Bashkirs and Kazakhs in the 18th — first half of the 19th century]. Ufa, RITs BashGU Publ., 2011. 140 p. (In Russian)
16. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan] (NA RB). F. R-472. Op. 1. D. 706.
17. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 707.
18. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 771.
19. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 772.
20. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 774.
21. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 789.
22. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 791.
23. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 799.
24. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 807.
25. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 875.
26. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 881.
27. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 892.
28. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 893.
29. NA RB. F. R-472. Op. 1. D. 896.
30. *Orenburgskie gubernskie vedomosti* [Orenburg Provincial Gazette]. Ufa, 1849—1951. (In Russian)
31. *Orenburgskii krai — polikul'turnyi i transgranichnyi region Rossiiskoi imperii: sbornik dokumentov. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya voennogo i gosudarstvennogo deyatelya, orenburgskogo voennogo gubernatora Petra Kirillovicha Essena (1772)* [Orenburg region — a multicultural and cross-border region of the Russian Empire. Collection of documents. On the 250th Anniversary of the birth of the outstanding military and statesman, Orenburg military governor Pyotr Kirillovich Essen (1772)]. Orenburg, IPK "Universitet" Publ., 2021. 712 p. (In Russian)
32. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. T. 45. Ufimskaya guberniya. Tetr. 2* [First General Census of the Russian Empire, 1897. Vol. 45. Ufa Province. Vol. 2]. [St. Petersburg], Tip. M. D. Lomkovskogo Publ., 1904. 189 p. (In Russian)
33. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. Kratkie obshchie svedeniya po imperii. Raspredelenie naseleniya po glavneishim sosloviyam, veroispovedaniyam, rodnomu yazyku i po nekotorym zanyatiyam* [The First General Census of the Russian Empire, 1897. Brief general information on the empire. Distribution of the population by major estates, religions, native language and some occupations]. [St. Petersburg], Parovaya tipo-lit. N. L. Nyrkina Publ., 1905. 43 p. (In Russian)
34. *(Poselennye itogi Orenburgskogo uezda po dannym sel'skokhozyaistvennoi i pozemel'noi perepisi 1917 g.)* [(Settlement results of the Orenburg district according to the agricultural and land census of 1917)]. S. l., (S. a). 153 p. (In Russian)
35. Rodnov M. I. *Krest'yanstvo Zlatoustovskogo uezda po perepisi 1917 goda* [The peasantry of the Zlatoust district according to the census of 1917]. Ufa, DizainPoligrafServis Publ., 2002. 68 p. (In Russian)
36. Rodnov M. I. *Naselenie Ufimskoi gubernii po perepisi 1920 goda: etnicheskii sostav (Birskii, Zlatoustovskii i drugie uezdy)* [Population of Ufa province according to the 1920 census: ethnic composition (Birsk, Zlatoust and other districts)]. Moscow, IEA RAN Publ., 2014. 178 p. (In Russian)

37. Rodnov M. I. *Ufimskaya ofitsial'naya pressa v nachale XX v.: redaktory i kraevedenie* [Ufa official press at the beginning of the 20th century. Editors and local history]. *Reka vremeni* [River of Time]. 2018. Ufa, 2018, pp. 120—139. (In Russian)
38. *Sbornik statisticheskikh svedenii po Ufimskoi gubernii. T. 6. Zlatoustovskii uезд. Otsenочно-statisticheskie materialy po dannym mestnykh issledovaniy 1897 goda* [Collection of statistical data on the Ufa province. Vol. 6. Zlatoust district. Estimated statistical materials based on local research data from 1897]. Samara, Tipo-lit. A. I. Khorosh Publ., 1899. 4, ii, 691, 210 p. (In Russian)
39. *Spiski naselennykh mest Orenburgskoi gubernii* [Lists of populated areas of the Orenburg province]. Orenburg, Tipo-lit. Gubernskogo pravleniya Publ., 1901. 251 p. (In Russian)
40. Sultangalieva G. S. *Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII — nachalo XX v.)* [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (XVIII — early XX centuries)]. Ufa, RIO RUNMTs Goskomnauki RB Publ., 2001. 262 p. (In Russian)
41. Usmanov Kh. F. *Razvitie kapitalizma v sel'skom khozyaistve Bashkirii v poreformennyi period. 60—90-e gody XIX v.* [Development of capitalism in agriculture in Bashkiria in the post-reform period. 60—90s of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 370 p. (In Russian)
42. Khazanov A. M. *Kochevniki i vneshnii mir* [Nomads and the outside world]. Almaty, Daik-Press Publ., 2002. 604 p. (In Russian)

Информация об авторах

М. И. Роднов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Л. Ф. Тагирова — кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the authors

M. I. Rodnov — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher

L. F. Tagirova — Candidate of Historical Sciences, Researcher

Статья поступила в редакцию 04.11.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 04.11.2024; approved after reviewing 10.01.2025;
accepted for publication 20.02.2025